

КНИГА

НА ВСЕ
ВРЕМЕНА

Фрэнсис Скотт
ФИЦДЖЕРАЛЬД

Последний
магнат

Френсис Фицджеральд

Последний магнат

«АСТ»

1941

Фицджеральд Ф. С.

Последний магнат / Ф. С. Фицджеральд — «АСТ», 1941

Последний роман великого Фицджеральда, опубликованный уже после его смерти. История о «золотом веке» Голливуда – эпохе легендарных продюсеров, кинозвезд и фильмов, ставших классикой мирового кинематографа. Герой романа, продолжающий галерею образов «сильных мужчин», считает себя вправе управлять судьбами людей. Но даже у самых сильных мужчин есть слабости. Слабостью «последнего магната» становится любовь к юной старлетке, прекрасно понимающей: в Голливуде, где продается все, порядочные девушки стоят очень дорого.

© Фицджеральд Ф. С., 1941

© АСТ, 1941

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Последний магнат

Глава 1

Я выросла в мире кино, хотя в фильмах не снималась. Говорят, на день рождения ко мне, пятилетней, приходил Рудольф Валентино. Упоминаю это как штрих: киношную жизнь я наблюдала изнутри с самого раннего детства.

Когда-то я думала взяться за мемуары и назвать их «Дочь продюсера», но в восемнадцать лет голова забита другим. Да и вышли бы они не увлекательнее, чем прошлогодней давности светская хроника Лолли Парсонс. Кино для отца было таким же занятием, как для других – торговля хлопком или сталью, я принимала это спокойно. В худшем случае относилась к Голливуду, как призрак – к старому дому, в котором ему выпало обитать. Про общее мнение я знала, но упорно не желала проникаться священным ужасом.

Сказать легко, труднее втолковать это остальным. В Беннингтонском колледже, где я училась, кое-какие преподаватели-филологи, на словах безразличные к Голливуду, в душе ненавидели его лютой ненавистью, будто он угрожал их существованию. Еще раньше, в монастырской школе, милая хрупкая монахиня как-то попросила меня добыть ей киносценарий – чтобы «рассказать на занятии об особенностях жанра», как она рассказывала об эссе или повести. Сценарий я принесла, и она, видимо, долго ломала над ним голову, однако так и не упомянула на уроке, а позже вернула мне текст с удивленно-оскорбленным видом, не обронив ни слова. Боюсь, с моим нынешним рассказом случится примерно то же.

Можно, подобно мне, принять Голливуд как есть; можно отмахнуться от него с презрением, какое мы приберегаем для всего, что неспособны вместить. Понять его тоже можно – но смутно и лишь обрывками. Людей, способных сложить в голове полную, совершенную формулу кинематографа, наберется едва ли полдюжины. И, пожалуй, для женщины единственный способ приблизиться к сути – попытаться понять одного из таких людей.

Я знала, как выглядит мир с самолета. Домой на каникулы и обратно – в школу и колледж – отец отправлял нас по воздуху. После смерти сестры я летала из колледжа уже одна, и всякий раз меня захлестывали воспоминания, я мрачнела и затихала. Порой тем же рейсом летел кто-то из голливудских знакомых, иной раз попадался приятный студент – в годы депрессии, впрочем, не так часто. Я почти не спала в перелетах: мысли об Элинор и ощущение стремительного рывка от побережья до побережья не давали покоя – по крайней мере пока не оставались позади мелкие сиротливые аэропорты Теннесси.

В тот раз мы попали в непогоду, и с самого взлета пассажиры разделились: одни немедленно устроились на ночлег, другие не думали спать вовсе. Двое таких неспящих сидели через проход от меня, и по обрывкам разговора я поняла, что они из Голливуда. Один выглядел типичным киношником – немолодой еврей, который то взрывался в бурном монологе, то, сжавшись пружиной, замирал в трагической паузе; другой же – приземистый, лет тридцати, невзрачный и бледный – явно встречался мне раньше. Может, заходил к нам по случаю, не знаю. Правда, он мог видеть меня совсем ребенком, поэтому было необходимо, что он меня не узнал.

Стюардесса – яркая статная брюнетка, каких здесь традиционно предпочитают, – спросила, не хочу ли я прилечь.

– Может, дать вам аспирин? – Ее, примостившуюся на подлокотнике, раскачивало от бушующего снаружи июньского циклона. – Или нембутал?

– Нет.

– Забегалась с остальными, некогда было спросить. – Она села рядом и пристегнула нас обеих ремнем. – А может, жевательную резинку?

Вспомнив про резинку, которую уже давно устала жевать, я завернула ее в клочок журнальной страницы и бросила в samozaxlopyvayushyusya пепельницу.

– Сразу видно воспитанных людей, – одобрительно заметила стюардесса. – Всегда сперва завернут.

Мы немного посидели в качающемся полумраке салона, слегка напоминавшего дорогой ресторан между обедом и ужином. Пассажиры просто коротали время, по большей части бесцельно. Даже стюардесса, кажется, поминутно напоминала себе, что она здесь по делу.

Мы поболтали о знакомой молоденькой актрисе, с которой она летела на запад два года назад – в самый разгар депрессии. Актриса так неотрывно глядела в иллюминатор, что стюардесса боялась, не задумает ли та выпрыгнуть. Правда, актрису, как выяснилось, страшила не бедность, а только революция.

– Я знаю, что нам с мамой делать, – доверительно шепнула она стюардессе. – Надо уехать в Йеллоустонский заповедник и пожить там скромной жизнью, пока все не уляжется. А потом вернуться обратно. Актеров ведь не убивают, да?

Замысел меня восхитил. Перед глазами возникла прелестная сценка: актрису с мамой кормят медом добрые патриархальные мишки, а трепетные олениа приносят молоко от ланей и пасутся рядом в ожидании ночи, чтобы служить подушкой обеим беглянкам.

В ответ я рассказала о юристе и режиссере, которые в те мятежные дни поделились с отцом видами на будущее. Если армия безработных ветеранов займет Вашингтон, то юрист, припрятавший у Сакраменто лодку, собирался уйти на веслах вверх по течению, переждать пару месяцев и вернуться – «после революций юристы в цене: должен же кто-то утрясать правовую сторону дела».

Режиссер был настроен на худшее. Он держал наготове старый костюм, рубашку и ботинки – не знаю, собственные или реквизит – и проповедовал «исчезновение в толпе». Отец тогда сказал: «А руки? С первого взгляда любому ясно, что руками ты не работал. И еще у тебя спросят профсоюзную карточку». Помню, как вмиг насупившийся режиссер мрачно доедал десерт и какими смешными и жалкими казались мне все их потуги.

– Ваш отец актер, мисс Брейди? – спросила стюардесса. – Знакомая фамилия.

При имени Брейди оба попутчика глянули в нашу сторону – искоса, типичным голливудским взглядом, словно через плечо. Потом тот, что помоложе – приземистый и бледный – отстегнул ремень безопасности и шагнул в проход рядом с нами.

– Вы Сесилия Брейди? – спросил он обличительно, будто я от него таилась. – Так я и думал! Я Уайли Уайт.

Имя было излишним, в тот же миг чей-то голос бросил: «С дороги, Уайли!» – и мужская фигура шагнула мимо него к кабине летчиков. Уайли Уайт вздрогнул и с запоздалой бравадой крикнул вдогонку:

– Я подчиняюсь лишь командиру экипажа!

Обмен любезностями, традиционный для голливудских владык и их подручных, прозвучал знакомо.

– Тише, пожалуйста, – напомнила стюардесса. – Здесь спят.

Через проход я увидела, что второй пассажир, немолодой еврей, тоже поднялся и откровенно алчным взглядом уставился на прошедшего – вернее, уже вслед. Тот вскинул ладонь, словно на прощанье, и скрылся с глаз.

– Это младший пилот? – спросила я стюардессу.

Она отстегивала ремень, собираясь оставить меня с Уайли Уайтом.

– Нет. Это мистер Смит. У него отдельная каюта – «номер для новобрачных», только он там один. Младший пилот всегда в летной форме. – Она встала. – Пойду узнаю, будет ли посадка в Нашвилле.

– С чего вдруг? – изумился Уайли Уайт.

– В долине Миссисипи гроза.

– Нам что, сидеть тут всю ночь?..

– Если не стихнет.

Стихать не собиралось – самолет резко нырнул. Уайли Уайта швырнуло в кресло напротив, стюардессу толкнуло к кабине, еврея опрокинуло на сиденье. После досадливых ремарок – нарочито бесстрастных, какие подобают бывалым воздухоплавателям, – мы расселись, Уайли Уайт нас представил.

– Мисс Брейди – мистер Шварц. Тоже близкий друг вашего отца.

Мистер Шварц кивнул яростно, словно говоря: «Правда. Бог свидетель, истинная правда!»

Времена, когда он мог заявить так во всеуслышанье, несомненно прошли; его чем-то сломило. Так, бывает, встречаешь приятеля, изувеченного в аварии или кулачной драке: оглядываешь его и спрашиваешь, что случилось, а он только мычит сквозь выбитые зубы и распухшие губы – и не может ничего сказать.

Физически Шварца никто не калечил: крупный персидский нос и косые тени у глаз были природными – как вздернутый, по-ирландски красный нос моего отца.

– Нашвилл! – воскликнул Уайли Уайт. – Торчать в гостинице! И до Калифорнии доберемся только завтра к вечеру, если не позже. Бог ты мой! Я ведь родился в Нашвилле.

– Наверное, приятно его снова увидеть?

– Вот уж нет! Пятнадцать лет ноги моей здесь не было. Надеюсь, и не будет.

Однако его надежды не оправдались: самолет явно летел вниз – все ниже и ниже, как Алиса в кроличью нору. Прикрывшись от света ладонью, я разглядела в окне, далеко слева, смутные огни города. Зеленая надпись «Пристегнуть ремни. Не курить» горела еще с начала грозы.

– Слышал? – бросил из-за прохода Шварц, замерший было в очередной неистовой паузе.

– Что именно? – переспросил Уайли.

– Слышал, как он себя называет? Мистер Смит!

– А что тут такого?

– Нет-нет, ничего, – торопливо выдохнул Шварц. – Просто показалось забавно. Смит! – повторил он со смешком безразднее некуда. – Смит!

Ничего более сиротливого и угрюмого, чем аэропорты, свет наверняка не видывал со времен постоянных дворов для дилижансов. Старые краснокирпичные вокзалы строились прямо в поселках и городках, и сходить там, если ты не местный житель, было незачем. Аэропорты же отзывались давним прошлым – как оазисы, как стоянки на великих торговых путях. Вид пассажиров, поодиночке и парами входящих в ночное здание, неизменно собирал кучку зевак, толпящихся у поля далеко за полночь. Юнцы глазели на самолеты, осторожные взрослые недоверчиво оглядывали путников. В нас, странствующих по воздуху через весь континент, видели крезов с западного побережья, мимоходом сошедших с облаков на землю посреди Америки. Среди нас мог оказаться невероятный сюрприз – кинозвезда. Впрочем, такое бывало редко. И мне всегда отчаянно хотелось выглядеть интереснее, чем мы есть, – о том же я мечтала на премьерах, когда зрители небрежно окидывают тебя укоряющим взглядом лишь потому, что ты не знаменитость.

На земле Уайли подал мне руку, помогая выбраться из самолета, и отношения вмиг стали приятельскими. Он взял себе за тон виться вокруг меня с ухаживаниями, я не возражала. С первой минуты в аэропорту стало ясно, что коль нас сюда забросило – то забросило вместе.

(Ничего похожего на тот раз, когда я осталась без парня – когда в фермерском доме неподалеку от Беннингтона он сидел за пианино с девушкой по имени Рейна и до меня наконец дошло, что я лишняя. Гай Ломбардо по радио играл «Цилиндр» и «Щекой к щеке», Рейна помогала перебирать мелодию. Клавиши трепетали как осенние листья, ее руки скользили поверх его пальцев, показывая «черный» аккорд. Я училась тогда на первом курсе.)

Шварц вошел в аэропорт вместе с нами, двигаясь как сомнамбула. Пока мы выясняли в справочной сроки задержки, он не отрывал взгляда от двери на летное поле, словно боялся, что самолет улетит без него. Потом я на несколько минут отлучилась и явно что-то пропустила: когда я вернулась в зал, мои спутники стояли бок о бок, Уайт что-то втолковывал Шварцу, а тот выглядел совершенно раздавленным, будто его только что переехал тяжелый грузовик. На летное поле он уже не смотрел. Я застала конец реплики Уайли Уайта:

– ...говорил же – не суйся. Поделом тебе.

– Я только сказал...

При моем приближении Шварц умолк. Я спросила, нет ли новостей (было полтретьего ночи).

– Как не быть, – сообщил Уайли Уайт. – Объявили, что нам тут торчать три часа, не меньше, и особо нежные уже собрались в гостиницу. А я хочу вытащить вас в «Эрмитаж», поместье Эндрю Джексона.

– Темно ведь, что там увидишь? – запротестовал Шварц.

– Ерунда, еще пару часов – и рассвет!

– Поезжайте вдвоем, – буркнул Шварц.

– Ладно. А ты в гостиницу, пока автобус не ушел. Там и он, собственной персоной. – В голосе Уайли мелькнула насмешка. – Может, повезет.

– Нет-нет, я с вами, – торопливо согласился Шварц.

Во тьме, непривычной после освещенных ночных городов, мы уселись в такси; Шварц повеселел и ободрительно потрепал меня по коленке.

– Конечно, я поеду. Должен же кто-то приглядеть за беззащитной девушкой. Давным-давно, когда я ворочал большими деньгами, у меня была дочка – писаная красавица.

Он сказал это так, будто дочка отошла кредиторам в качестве ценного имущества.

– Обзаведешься другой, – уверил его Уайли. – Все станет по-прежнему. Новый виток колеса Фортуны – и вознесешься туда, где папа Сесилии. Правда, Сесилия?

– Далеко этот ваш «Эрмитаж»? – помолчав, спросил Шварц. – За тридевять земель, у черта на куличках? На самолет не опоздаем?

– Не суетись, – отмахнулся Уайли. – Надо было прихватить для тебя стюардессу. Хороша, да? По мне – так даже очень.

Мы долго катили по открытой равнине под ясным ночным небом; рядом с дорогой изредка попадались то дерево, то домишко, то снова дерево, потом вдруг открылся плавный изгиб леса. Даже в темноте я поняла, что деревья здесь зеленые, а не оливково-пыльные, как в Калифорнии. По пути встретился негр, который гнал впереди себя трех коров; при виде нас он отеснил их к обочине, они замычали – настоящие живые коровы с теплыми шелковистыми боками. Негр тоже мало-помалу проступил из сумрака вживую и приблизился к машине, не сводя с нас огромных карих глаз. Уайли дал ему двадцатипятицентовик, и негр со своим «спасибо, спасибо» остался на дороге, и коровы вновь замычали во тьме, когда мы двинулись дальше.

Я вспомнила, как впервые увидела овец – сразу сотни: мы неожиданно угодили в самую их гущу, въехав на заднюю площадку студии старика Леммле. Овцам, пригнанным на съемку, явно было не по себе, зато мои попутчики не умолкали:

– Роскошно!

– Ты так и задумывал, Дик?

– Ну не шикарно ли?

А тот, кого звали Дик, с видом Кортеса или Бальбоа озирает с машины серые волны овечьего руна, колышущиеся под его взглядом. Что за фильм тогда снимали – я то ли забыла, то ли вовсе не знала.

Мы ехали уже час. Позади остался ручей, который мы пересекли по старому железному мосту с гремучими досками. Начали петь петухи; у домов, вспугнутые машиной, то и дело шевелились сине-зеленые тени.

– Говорил же я, скоро рассвет, – сказал Уайли. – Я здесь родился – потомок южной голытьбы. Фамильный замок теперь стал сараем. У нас было четверо слуг: мой отец, мать и две сестры. Я решил, что их гильдия обойдется без меня, и отправился в Мемфис делать карьеру, которая теперь летит напрямик под откос. – Он слегка меня приобнял. – Сесилия, выходите за меня замуж, пусть мне перепадет капиталец от Брейди!

Прозвучало безобидно, я не стала отнимать головы от его плеча.

– Чем вы заняты, Сесилия? Учитесь в школе?

– В Беннингтонском колледже. На предпоследнем курсе.

– Ах, прошу прощения. Не знал. Правда, в колледжах я и не обучался. Предпоследний курс, говорите. А в «Эсквайре» пишут, что старшекурсницы и так все знают!

– И почему только все уверены, будто студентки...

– Незачем оправдываться: знание – сила.

– Послушать вас – сразу ясно: мы на пути в Голливуд. Там вечно отстают от времени.

Уайли притворно ужаснулся.

– Вы намекаете, что на восточном побережье у девушек нет личной жизни?

– В том-то и дело, что есть. Вы мне мешаете, отодвиньтесь.

– Не могу, разбужу Шварца, а он и так неделями не спал. Знаете, Сесилия, у меня однажды была интрижка с продюсерской женой. Так, мелкий романчик. На прощанье она без экивоков заявила: «Не вздумай никому рассказать, иначе вылетишь из Голливуда в два счета. У мужа куда больше власти, чем у тебя!»

Досада прошла, он вновь показался мне забавным. Вскоре такси свернуло на длинную аллею, благоухающую жимолостью и нарциссами, и мы остановились у серой громады особняка Эндрю Джексона. Водитель обернулся было что-то рассказать про поместье, но Уайли, кивнув на Шварца, дал знак молчать, и мы тихонько выбрались из машины.

– В особняк сейчас не пустят, – вежливо предупредил водитель.

Мы с Уайли уселись у широких колонн лестницы.

– А что со Шварцем? – спросила я. – Кто он такой?

– К черту Шварца. Он заправлял какой-то кинокомпанией – «Ферст нэшнл»? «Парамаунт»? «Юнайтед артистс»? А теперь на мели и не у дел. Ничего, вернется. В кинематограф не возвращаются только пьяницы и дураки.

– Вы не в восторге от Голливуда, – предположила я.

– Отчего же. Конечно, в восторге. Слушайте, что за тема для разговора – у порога особняка Эндрю Джексона, да еще на рассвете!

– А мне Голливуд нравится, – не отступала я.

– Немудрено. Старательский городок в земле лотофагов. Чье изречение? Мое! Место что надо, если ты цепкий и крепкий. А я-то приехал туда из Саванны, штат Джорджия, и в первый же день угодил на светскую вечеринку. Хозяин дома поздоровался и куда-то исчез. А вокруг загляденье – бассейн, мох зеленее некуда по два доллара за дюйм, неотразимые экземпляры кошачьей породы пьют и развлекаются... И хоть бы слово от кого услышать! Как же! Заговаривал с полудюжиной – ни один не ответил! И так целый час, потом другой. Не выдержал, вскочил с места и вылетел оттуда пулей. Кто я, где я – сам уже сомневался. Оторопь схлынула только в гостинице, когда мне отдали письмо и я прочел свое имя на конверте.

Со мной, конечно, такого не приключалось, но, перебрав в уме виденные мной вечеринки, я сочла историю правдивой. В Голливуде не сильно жалуют незнакомцев, если у них на лбу не написано, что их топор войны глубоко зарыт в надежном месте и не обрушится на наши головы даже случайно, – иными словами, если они не знаменитости. И даже тогда им лучше держаться на чеку.

– Надо быть выше этого, – солидно сказала я. – Когда вам грубят – целят не в вас, а в прежних собеседников.

– Такая мудрость – в такой хорошенькой головке!

Восточный край неба уже разгорался зарей, Уайли видел меня ясно – худошавая фигура, правильные черты лица, бездна шика и буйный зародыш мозга. Не знаю, как я выглядела тем утром, пять лет назад, – наверное, бледноватой и взъерошенной, но в юные годы, когда свято веришь, что любые приключения сулят лишь добро, меня хватило бы еще надолго – только дайте принять ванну и переодеться.

Под одобрительным взглядом Уайли я почувствовала себя польщенной – как вдруг идиллическую сценку нарушил Шварц, втершийся в нее с виноватой миной.

– Упал на железную скобу, – объяснил он, тронув край глаза.

– Как раз вовремя, мистер Шварц, – вскочил с места Уайли. – Экскурсия только начинается. Перед вами особняк, где жил Эндрю Джексон – десятый президент Соединенных Штатов, победитель при Новом Орлеане, противник Национального банка и автор идеи раздавать должности сторонникам партии.

Шварц взглянул на меня, как на суд присяжных.

– Вот вам писатель во всей красе. Знает все, не зная ничего.

– Как так? – возмутился Уайли.

Что он сценарист, я раньше не подозревала. Сценаристы мне нравились – если их о чем спрашиваешь, они всегда ответят, – и все же принадлежность к писательскому цеху слегка умалила его в моих глазах. Писатели – строго говоря, не люди. А если наткнешься на маломальски стоящего, то в нем гнездится сразу куча разных людей, отчаянно притворяющихся одним человеком. Это как с актерами: они так трогательно пытаются не смотреть в зеркала, что даже запрокидывают голову – и неминуемо встречаются взглядом с собственным отражением в люстрах.

– Все сценаристы таковы – да, Селия? – спросил Шварц. – Никаких слов на них не хватает. И ведь я прав.

– Я это уже слышал. – Уайли медленно наливался гневом. – Послушай, Мэнни, я всегда был более дельным, чем ты! Мне раз пришлось сидеть и часами выслушивать одного мистагога, вышагивающего по комнате и изливающего фантастическую муть, из-за которой, не живи он в Калифорнии, его давно упекли бы в сумасшедший дом – и после этого он сказал, что он реалист, а я мечтатель, и любезно выставил меня за дверь поразмыслить над его словами!

Лицо Шварца будто распалось на клочки, один глаз взметнулся к небу между высокими вязами. Подняв руку, он безучастно вгрызся в заусенец на среднем пальце, следя взглядом за птицей, выходящей над крышей дома. Когда она присела на колпак дымохода, как ворон, Шварц, не отводя от нее глаз, произнес:

– Внутри нас не пустят, а вам обоим пора на самолет.

Еще толком не рассвело. «Эрмитаж», похожий на большую белую коробку, выглядел одиноким и пустым даже через сотню лет после того, как осиротел. Мы вернулись к такси – и только когда Шварц вдруг захлопнул за нами дверь, до нас дошло, что он не едет.

– Не полечу в Калифорнию – я так решил, когда проснулся. Побуду здесь, таксист заберет меня позже.

– Неужто двинешь назад, на восток? – изумился Уайли. – Только потому...

– Я так решил, – слабо улыбнулся Шварц. – Когда-то я был на удивление строг и решителен, не поверишь. – Он покопался в кармане, пока водитель разогревал мотор. – Передашь записку мистеру Смиту?

– Вернуться через два часа? – спросил Шварца таксист.

– Да... конечно. С удовольствием тут поброжу.

До самого аэропорта он не шел у меня из головы, все никак не вписывался ни в раннее утро, ни в пейзаж с особняком. Выходец из дальнего гетто – рядом с суровым святилищем. Имена Мэнни Шварца и Эндрю Джексона едва втискивались в одну фразу. Блуждающий по поместью Шварц вряд ли знал, кто такой Эндрю Джексон; наверняка он решил, что раз дом сохранили нетронутым – то хозяин был праведник щедрой души, милосердный и чуткий. У обоих пределов жизни нас тянет к чему-то припасть – к материнской груди, к безмолвной святыне. К месту, где в последней агонии неприкаянности можно лечь и пустить себе пулю в лоб.

Мы, разумеется, ничего не знали еще двадцать часов. Предупредив в аэропорту старшего стюарда, что Шварц с нами не летит, мы больше о нем не вспомнили. Гроза ушла на восток Теннесси и рассеялась в горах, до взлета оставалось меньше часа. Из гостиницы привезли сонных пассажиров; я умудрилась слегка вздремнуть в зале ожидания на диванчике, больше напоминавшем пыточное орудие. Наше малодушное бегство от грозы понемногу забывалось, вновь манило вперед опасное путешествие; новая стюардесса – статная яркая брюнетка, в точности как предыдущая, только в светлом льняном костюме вместо карминно-синего, – прошла с чемоданчиком к выходу. Мы с Уайли, сидя в зале, ждали.

– Вы отдали записку мистеру Смиту? – полусонно спросила я.

– Угу.

– А кто он, этот Смит? Похоже, он испортил Шварцу поездку.

– Шварц сам виноват.

– Не люблю, когда изображают из себя паровой каток. Отец то и дело порывается раскатать меня в лепешку, я ему каждый раз советую побереечь силы для студии. – Я поразмыслила, не привираю ли. Ранним утром слова бессильны как никогда. – Правда, ему удалось закатать меня в Беннингтон, за что я ему с тех пор благодарна.

– Вот было бы звону, случись катку Брейди столкнуться с катком Смитом...

– Мистер Смит – конкурент отца?

– Не совсем. Скорее нет. Но будь они конкурентами, я не сомневался бы, на кого ставить.

– На отца?

– Боюсь, что нет.

В такой ранний час мне было не до семейной солидарности. Пилоту стойки разговаривал со старшим стюардом и качал головой, глядя на будущего пассажира – тот, бросив в музыкальный автомат два пятицентовика, теперь пьяно валялся на скамье, борясь со сном. Первая выбранная песня, «Разлука», отгремела на весь зал, после паузы ее сменила вторая – «Утрата», такая же претенциозно-прощальная. Пилот решительно мотнул головой и шагнул к пассажиру.

– Похоже, на этот раз мы летим без тебя, приятель.

– Ч-чего?

Пьяный приподнялся и сел; помятые черты хранили отчетливую привлекательность, и мне стало его жаль, даже несмотря на надрывный выбор песен.

– Возвращайся в гостиницу и выспись. Полетишь вечерним рейсом.

– Только на взле-е-ет...

– В другой раз, приятель.

От досады пьяный свалился со скамьи – а из репродуктора, заглушая музыку, уже неслось объявление: нас, добропорядочных пассажиров, звали на посадку. В проходе самолета я наткнулась на Монро Стара и едва устояла на ногах, готовая тут же рухнуть в его объятия. За

таким, как он, немедля пошла бы любая, не дожидаясь, помянут ее или нет. Меня он манить и не думал, но относился дружески и поэтому присел теперь напротив, пока самолет готовили к взлету.

– Давайте со всеми сговоримся и потребуем деньги обратно, – предложил он. Темные глаза видели меня насквозь; я попыталась представить, как он смотрел бы, случись ему полюбить. Взгляд был мягким, отчужденным, порой слегка укоряющим – и всегда недостижимым. Не вина этих глаз, что им открывалось так много. Их хозяин при случае легко входил в роль «обычного парня», хотя ему не так уж часто удавалось смешаться с толпой. Впрочем, он умел и молчать, и уходить в тень, и слушать. Со своего места (всегда казалось, что с высоты, хотя ростом он был невелик) он оглядывал многосложную жизнь своего мира, как горделивый юный пастырь, не различающий дня и ночи. Он родился бессонным, без способности и желания отдыхать.

Мы посидели в необременительном молчании – я знала Стара с тех пор, как он стал партнером отца лет двенадцать назад: мне тогда было семь, ему двадцать два. Через проход сидел Уайли, и я подумала, не представить ли их друг другу, однако Стар так отрешенно вертел на пальце перстень, что я почувствовала себя совсем юной и невидимой – и промолчала. Если не находилось достойной темы для разговора, я не осмеливалась взглянуть ему прямо в лицо, не осмеливалась и отвести глаза – знаю, что с ним так вели себя многие.

– Перстень будет ваш, Сесилия.

– Прошу прощения. Я не собиралась...

– У меня таких полдюжины.

Стар вручил мне перстень с золотым самородком и крупной выпуклой буквой S; я как раз дивилась, насколько массивное кольцо не идет к его пальцам – таким же изящным и тонким, как вся фигура и узкое лицо с изогнутыми бровями под шапкой черных волнистых волос. Несмотря на хрупкость облика, он был боец; давний приятель Стара, знавший его еще главарем подростковой банды в Бронксе, рассказывал мне, как этот худенький парнишка, бывало, вышагивал впереди своей шайки, мимоходом бросая скупые приказы.

Стар накрыл рукой мои пальцы, заставив меня сжать перстень, и повернулся к Уайли.

– Пошли в каюту для новобранцев. До встречи, Сесилия.

Я успела расслышать, как Уайли на ходу спросил: «Вы прочли записку Шварца?» – и Стар ответил: «Пока нет».

До меня все доходит слишком долго – я лишь в тот миг поняла, что Стар и есть мистер Смит.

Позже Уайли мне рассказал, что было в записке. Нацарапанные при свете фар буквы читались с трудом.

«Дорогой Монро,

Вы лучший из всех восхищаюсь Вашим умом и если Вы против знаю что толку не будет! Я никуда не гоюсь и дальше не полечу предупреждаю снова и снова берегитесь! Я знаю.

Ваш друг

Мэнни».

Стар дважды перечел письмо и потер утреннюю щетину на подбородке.

– Неврастеник. Все равно ничего не поделать. Жаль, я круто с ним обошелся – но не терплю, когда навязываются и говорят, что это для моего же блага.

– Может, так и есть, – заметил Уайли.

– Дешевый прием.

– Я бы купился, – сказал Уайли. – Тщеславен как женщина: когда ко мне выказывают интерес, напрашиваюсь на большее. Обожаю получать советы.

Стар с отвращением покачал головой.

– Вы ведь иногда падки на лесть, – продолжал дразнить его Уайли – один из немногих, кому это сходило с рук. – Комплекс Наполеона и все такое.

– Не выношу. А когда суются с помощью – еще хуже.

– Если вам так ненавистны советы, то мне-то вы зачем платите?

– Ради выгоды, – ответил Стар. – Я делец. Покупаю содержимое твоих мозгов.

– Какой же вы делец? В бытность мою журналистом я повидал их немало – и согласен с Чарлзом Фрэнсисом Адамсом.

– В чем?

– Он был знаком со всеми – Гулдом, Вандербилтом, Карнеги, Астором – и сказал, что ни одного не хотел бы встретить на том свете. С тех пор ничего не изменилось. Вот я и говорю: вы не делец.

– Адамс, скорее всего, просто брюзга, – заметил Стар. – Хотел стать как они, но чего-то не хватило – здравого смысла или, может, воли.

– Явно не мозгов, – ядовито вставил Уайли.

– Одних мозгов мало. Вы, творческие личности, быстро выдыхаетесь и теряетесь, без посторонней помощи вам никак. – Стар пожал плечами. – Принимаете все близко к сердцу, мечетесь от поклонения к ненависти, считаете всех незаменимыми – особенно себя. Так и напрашиваетесь, чтобы о вас вытирали ноги. Я люблю людей и люблю им нравиться, но душу носить нараспашку – не мой стиль.

Он вдруг умолк.

– Что я сказал Шварцу в аэропорту? Помнишь дословно?

– Вы сказали: «Что бы вы ни задумали – мой ответ: нет!»

Стар помолчал.

– Он стал как пришибленный, – добавил Уайли, – я его еле растормошил. А потом мы взяли дочку Пата Брейди и поехали кататься.

Стар звонком вызвал стюардессу.

– Разрешит ли мне пилот посидеть с ним рядом в кабине?

– Инструкция такого не позволяет, мистер Смит.

– Попросите его заглянуть сюда, когда освободится.

Стар просидел в кабине до самого вечера. Бесконечная пустыня перешла в плоскогорья – многоцветные, словно сделанные из раскрашенного песка для детских игр. Ближе к вечеру под пропеллерами возникли зубья снежной пилы – пики Скалистых гор. До дома оставалось недолго.

То и дело пробуждаясь от дремы, я мечтала лишь об одном: стать женой Стара, добиться его любви. Жалкая самонадеянность! Чем я могла его привлечь? Тогда я, правда, все видела в ином свете: во мне жила та горделивая женская уверенность, которая черпает силы в возвышенных идеалах – например, в мысли «чем я хуже других?». Уж точно я не уродливее знаменитых красавиц, наверняка вешавшихся ему на шею, а претензии на интеллектуальность, разумеется, делают меня блистательным украшением для любого салона...

Сейчас-то я понимаю всю нелепость былых потуг. Пусть Стар окончил лишь вечерние курсы стенографистов – но с самых ранних лет зоркость и чутье вели его неторными тропами на такие просторы, куда открывается путь лишь немногим. Однако в тогдашней беспечной дерзости я считала свои серые глаза пронизательнее его карих, сравнивала свой окрепший на гольфе и теннисе пульс с его затихающим сердцем, утомленным годами непомерной нагрузки; строила планы, лелеяла замыслы, вынашивала интриги – словом, вела себя как любая женщина. Все тщетно, вы сами увидите. До сих пор иногда тешу себя мыслью, что будь он беден и молод – я бы его добилась. На деле же все, что я могла предложить, у него было и без меня.

Романтические идеалы я черпала из кино – «Сорок вторая улица», например, оставила осязаемый след, – и наверняка многие фильмы, на которых я выросла, были созданы лично Старом.

Так что дело было безнадежное. Любовь не питается крохами со своего же стола.

В то время, правда, я думала иначе. Вдруг поможет отец или стюардесса? Вдруг она войдет в кабину и скажет Стару: «Что за девушка – глаза так и сияют любовью!»

Вдруг пилот заметит: «Не ослепли же вы, мистер Смит, ступайте в салон!»

Вдруг Уайли Уайт перестанет торчать в проходе и вглядываться, сплю я или нет...

– Сядьте, – сказала я. – Что слышно? Где мы?

– В воздухе.

– Кто бы мог подумать! Да садитесь же. – Я попыталась изобразить живой интерес. – О чем вы пишете? Что за сценарий?

– Бойскауты, дай бог сил. Вернее, один бойскаут.

– Стар придумал?

– Понятия не имею – он мне велел разрабатывать тему. Наверняка на ней сценаристов штук десять: у тех завязка, у этих финал – система у Стара что надо, он сам ее изобрел. Так вы в него влюблены?

– С чего вдруг? – рассердилась я. – Я с ним знакома всю жизнь.

– Безнадежно, да? Хотите, я посодействую, только в обмен обещайте замолвить за меня словечко. Хочу заделаться главным.

Я вновь прикрыла глаза и уснула. Пробудившись, увидела рядом стюардессу, которая подтыкала вокруг меня плед.

– Скоро будем на месте, – сообщила она.

За окном, освещенные закатными лучами, проплывали зеленеющие поля.

– В кабине сейчас забавно, – вдруг разговорилась стюардесса. – Этот мистер Смит – или мистер Стар – кажется, я не встречала имя...

– Его никогда не пишут в титрах, – объяснила я.

– Вот как? В общем, он так подробно расспрашивал экипаж о полетах – со знанием дела, представляете?

– Представляю.

– Один пилот сказал мне, что готов на спор за десять минут натаскать мистера Стара для самостоятельного полета – говорит, шикарные мозги. Так и сказал.

– И в чем же забавность? – нетерпеливо напомнила я.

– Ах да. В конце концов пилот спросил мистера Смита, любит ли он свое дело, и тот ответил: «Еще бы. Приятно быть белой вороной в сборище дятлов».

Стюардесса даже согнулась от смеха – мне захотелось ее растерзать.

– Представляете? Назвать партнеров дятлами! – Она вдруг резко посерьезнела и встала. – Ладно, пора данные вносить.

– Всего доброго.

Мне было ясно – Стар просто вознес пилотов до собственного трона, на время поделившись с ними властью над миром. Годы спустя мне случилось попасть в один рейс с кем-то из тех летчиков, и он рассказал еще эпизод. Глядя тогда вниз на горы, Стар заметил:

– Представьте, будто вы строите железную дорогу: надо пустить поезда сквозь горный кряж. Сводки геодезистов говорят, что пригодных путей – три-четыре, а то и десяток, ни один не лучше других. И вам надо решать. На что положиться? Заранее определить лучший путь нельзя – надо сначала построить. Остается просто брать и строить.

– То есть как? – Пилот решил, что чего-то недопонял.

– Выбираете путь без всяких причин – тут гора более яркая, там чертеж более четкий... Просто так.

Пилот мне признался, что счел идею очень ценной – правда, как он подозревал, мало-пригодной для его жизни.

– Мне хотелось только одного, – грустно улыбнулся он, – узнать, как он вообще стал мистером Старом.

Вряд ли Стар сумел бы что-то ответить: у эмбриона ведь нет памяти. Объяснение знала я. В юности ему случилось вознестись на мощных крыльях высоко над землей, и глазами, которых не могло ослепить даже солнце, он увидел все царства мира. Крылья били упорно и твердо, под конец яростно – и он, не оставляя усилий, удержался в небе дольше любого из нас, а потом, запечатлев в памяти все увиденное с высоты, плавно опустился вниз.

Двигатели смолкли, все наши пять чувств начали оживать перед посадкой. Слева показались огни морской базы на Лонг-Бич, справа мерцающим пятном маячила Санта-Моника. В небе над Тихим океаном плыл оранжевый диск огромной калифорнийской луны. Мои впечатления при виде здешних мест – родного дома! – не могли соперничать, я знаю, с чувствами Стара. Здесь я впервые увидела мир, как стадо овец на студии Леммле; для Стара же это был край, где он ступил на землю после головокружительных озарений былого полета, в котором ему открылись наши пути и деяния – и весь их нехитрый смысл. Вы вольны сказать, что сюда его занесло шальным ветром. Мне же кажется, что глядя на мир с тех высот, как в кадре дальнего плана, он увидел способ исчислить наши бессвязные надежды, благовидные заблуждения и нескладные беды – и, решив пребыть с нами до конца, спустился на землю. Как самолет, плавно скользнувший к Глендейлскому аэропорту, в теплую тьму.

Глава 2

В девять часов июльского вечера массовка еще не разошлась, многие толпились в закуской напротив студии – я видела их за игровыми автоматами, когда парковала машину. «Старик» Джонни Суонсон, вечно одетый под ковбоя, торчал на углу, не сводя мрачных глаз с луны. Когда-то он славился не меньше, чем короли немых вестернов Том Микс и Билл Харт, теперь же разговоры с ним навевали тоску, и я поспешила перебежать через дорогу к центральным воротам.

Студия никогда не затихает – в лабораториях и звуковых цехах работает ночная смена, персонал то и дело навевается в студийное кафе. Шум не похож на дневной: шорох шин, тихий ропот запущенного вхолостую двигателя, одинокая рулада сопрано перед ночным микрофоном. За углом я наткнулась на рабочего в резиновых сапогах, моющего автомобиль в ослепительно белом свете – волшебном фонтане лучей посреди безжизненного сумрака. При виде мистера Маркуса, которого вели от административного здания до машины, я замедлила шаг – чтоб не терять целую вечность, пока он выговорит «спокойной ночи», – и только тут различила, что сопрано выводит «Приди, приди, я люблю лишь тебя». Строка засела в памяти, потому что вновь и вновь повторялась во время землетрясения; до него оставалось минут пять.

Контора отца помещалась в старом здании с длинным балконом и железными перилами, напоминающими нескончаемый цирковой канат. Весь второй этаж, включая крыло Стара и крыло мистера Маркуса по обе стороны от отцовских окон, светился огнями. При мысли о Старе внутри похолодело, но я уже научилась с этим справляться – за месяц, что я пробыла дома, мы виделись лишь однажды.

Отцовский кабинет изобиловал странностями, все перечислять незачем. Приемную сторожили три секретарши с каменными лицами – три ведьмы, знакомые мне чуть не с пеленок: Берди Питерс, Мод-с-чем-то и Розмари Шмиль. Не знаю, благодаря ли имени или чему другому она заправляла всей троицей и распоряжалась упрятым рычагом, открывавшим посетителям дверь в отцовский тронный зал. Все три секретарши яро исповедовали капитализм, Берди даже выдумала правило: если машинисток заставляли за совместным обедом чаще раза в неделю – им грозила взбучка. Киностудии в те времена боялись массовых волнений.

Я вошла внутрь. Моду на огромные начальственные кабинеты ввел отец, он же первым придумал закрывать высокие, доходящие до пола окна зеркальными стеклами. В полу, поговаривали, открывалась ловушка, сбрасывавшая неугодных посетителей в подземную яму, но я в эти рассказы не верила. В кабинете на видном месте красовался большой портрет Уилла Роджерса, призванный, судя по всему, подчеркнуть духовную близость отца этому святому Франциску Голливудскому; в глаза бросалась фотография Минны Дэвис – умершей жены Стара – с дарственной надписью, по стенам висели снимки других звезд киностудии и два пастельных портрета – мой и матери. В ту ночь зеркальные окна стояли открытыми; в одном, словно прищипленный, беспомощно застрял исполинский лунный диск – розовато-золотистый, окруженный дымкой. В дальнем краю комнаты за большим круглым столом сидели отец, Жак Ла Борвиц и Розмари Шмиль.

Как выглядел отец? Могу лишь описать, как однажды внезапно столкнулась с ним в Нью-Йорке: при виде грузного пожилого человека, будто стыдящегося самого себя, захотелось проскочить мимо, – и вдруг я поняла, что это отец. Меня потом поразило такое впечатление, ведь решительный подбородок и ирландская улыбка порой делают отца очень привлекательным.

От рассказа о Жаке Ла Борвице я вас избавлю: упомяну, что он был ассистент продюсера, то есть что-то вроде комиссара, – и хватит. Где Стар откапывал таких личностей с начисто отмершим мозгом и почему не сопротивлялся, если ему их навязывали, – а главное, как он умудрялся извлекать из них хоть какую-то пользу, – оставалось загадкой и для меня, и для тех

новичков с восточного побережья, кому случалось на них наткнуться. Жак Ла Борвиц, несомненно, обладал и достоинствами – без них не обходятся ни амеба, ни бродячий пес, рыщущий в поисках кости и шавки. Жак Ла... избави боже!

По лицам я видела, что говорят о Старе: он опять что-нибудь приказал или запретил, послушался отца, отправил на свалку очередной фильм Ла Борвица – словом, сотворил нечто ужасное, и теперь они сидели в ночном кабинете, сплоченные враждой, возмущенные и бес-
сильные. Розмари Шмиль держала наготове блокнот, будто собиралась внести в протокол общее отчаяние всей троицы.

– Заберу тебя домой живым или мертвым, – сказала я отцу. – А то именинные подарки так и сгниют в коробках.

– День рождения? – виновато встрепенулся Жак. – Сколько стукнуло? А я и не подозревал!

– Сорок три, – раздельно произнес отец.

Ему было на четыре года больше, и Жак об этом знал – я видела, как он сделал пометку в grossбухе, чтобы при случае использовать. Записи здесь делают открыто, даже не приходится читать по губам, и Розмари Шмиль вслед за ним тоже вынужденно поставила в блокноте закорючку. Когда она стирала ее ластиком, земля под нами содрогнулась.

Нас потрянуло не так, как Лонг-Бич, где верхние этажи магазинов обрушивались на дорогу, а мелкие гостиницы смывало волной, – и все же на долгий миг наше нутро срослось с земным чревом, словно кто-то в кошмарном сне пытался нанизать нас на пуповину и втянуть обратно в лоно мироздания.

Портрет матери слетел со стены, оголив небольшой сейф; мы с Розмари бешено вцепились друг в друга, с визгом кружа вдоль стен в буйном невиданном вальсе. Жак рухнул в обморок или, по крайней мере, исчез с глаз. Отец, держась за стол, прокричал: «Ты цела?» За окном сопрано дошло до кульминации «я люблю лишь тебя», на миг умолкло – и, клянусь вам, затащило фразу по новой. А может, просто певице прокручивали запись.

Комната больше не ходила ходуном, лишь слабо вибрировала. Мы все – вместе с откуда-то возникшим Жаком – двинулись к выходу и неверной походкой, как в полусне, пробрались через приемную на железный балкон. Редко где горел свет, тут и там кого-то окликали. На секунду мы замерли, ожидая второго толчка, а затем, как по общему наитию, повернули к двери, ведущей в кабинет Стара.

Кабинет, хоть и просторный, уступал размером отцовскому. Стар сидел на краю дивана и тер глаза: до толчка он дремал и теперь готов был принять землетрясение за сон. Пришлось его разуверить, и Стар решил было счесть все забавным эпизодом – пока не зазвонили телефоны. Я наблюдала за ним как можно незаметнее. Посеребренный от усталости, он выслушивал отчеты по телефону и диктографу, и мало-помалу к глазам возвращался блеск.

– В двух местах прорвало водопровод, – сообщил он отцу. – Затопило площадки за студией.

– Грэй снимает во «французской деревне», – отозвался отец.

– Вокруг «станции» наводнение. В «джунглях» и на «городском углу» тоже. Нелегкая их побери, вроде все живы. – Проходя мимо, он без улыбки сжал мне руки. – Давно вас не видел, Сесилия.

– Вы на территорию, Монро? – спросил отец.

– Сначала дождусь всех новостей. Да, еще где-то повредило линию электропередач, я вызвал Робинсона.

Стар усадил меня на диван рядом с собой и вновь спросил о землетрясении.

– Вы слишком устаете, – сказала я мудро, по-матерински.

– Да, – согласился он. – Некуда ходить по вечерам, вот и работаю.

– С вечерами могу помочь.

– Бывало, я играл в покер с приятелями, – задумчиво ответил он. – Еще до женитьбы. Теперь ни единого не осталось, все спились.

Мисс Дулан, его секретарша, вошла с очередной порцией дурных новостей.

– Робби придет – разберется, – заверил Стар отца и повернулся ко мне. – У нас есть Робинсон – бывший аварийщик, чинил в Миннесоте телефонные провода во время снежных бурь. Ему все по плечу. Скоро будет. Робби вам понравится.

Прозвучало так, будто Стар всю жизнь мечтал нас познакомить и затеял ради этого целое землетрясение.

– Робби вам понравится, – повторил он. – Когда возвращаетесь в колледж?

– Я только что приехала.

– На все лето?

– Если бы. Еще немного – и сразу назад.

Я была как в тумане. В мозгу мелькнуло, не имеет ли он на меня виды – но если и так, все шло раздражающе медленно: он видел во мне лишь недурной предмет обстановки. Да и сама мысль уже не казалась мне заманчивой – примерно как выйти замуж за врача. Стар редко уходил со студии раньше одиннадцати.

– Я хотел спросить, сколько ей еще до выпуска, – повернулся он к отцу.

А я чуть не выпалила, что вовсе не обязана возвращаться в колледж, образования мне и без того хватит, – как вдруг вошел совершенно восхитительный Робинсон – кривоногий, молодой и рыжий, готовый всех спасти хоть сейчас.

– Вот и Робби, Сесилия, – сказал Стар. – Пойдем, Робби.

Так я познакомилась с Робби, даже не заподозрив, что это судьба. Потому что именно от Робби я позже узнала, как той ночью Стар встретил свою любовь.

В лунном свете огромная территория в тридцать акров выглядела сказочным царством. Нет, африканские джунгли, французские замки, шхуны у причала и ночной Бродвей не при-
мешь за настоящие, просто площадки для съемок слишком похожи на ворох страниц из детских книг – обрывки картинок и клочья разрозненных историй, пляшущие в искрах костра. Территория студии напоминала мне чердак – которого, к слову, у нас никогда не было, – а на чердаке по ночам, в неверных отблесках света, сказкам положено оживать.

К прибытию Стара и Робби свет прожекторов уже выхватил из тьмы самые затопленные участки.

– Перекачаем все в болото на Тридцать шестой улице, – после минутной паузы сказал Робби. – Там, конечно, городская собственность, но у нас ведь форс-мажор, так? Ого, смотрите!

Поток воды, струящийся как река, нес огромную голову бога Шивы, на темени которой примостились две женские фигурки. Идола вынесло из декораций Бирмы, и теперь он, покачиваясь, следовал за изгибами течения, порой сталкиваясь на отмелях с прочим хламом. Двух беглянок, прильнувших к локону на открытом лбу статуи, можно было принять за туристов на увлекательной экскурсии по местам наводнения.

– Гляньте, Монро! – мотнул головой Робби. – У нас тут дамочки!

Увязая по колено в мелких болотцах, Робби со Старом подошли к краю потока и разглядели женщин – те, напуганные, слегка просветлели лицами в надежде на скорое спасение.

– Эх, чтоб вам плыть до сточной трубы! – галантно заметил Робби. – Жаль, Де Миллю эта башка на неделе понадобится.

Он-то, конечно, и мухи бы не обидел – и уже брел чуть не по пояс в воде, пытаясь зацепить голову идола шестом, отчего та лишь завертелась на месте. Подоспела помощь; мигом разнесся слух, что женщины – одна очень хорошенькая – наверняка важные особы. На деле они попали на студию случайно, и разозленный Робби только и мечтал задать им жару.

– А ну верните башку где взяли! – крикнул он беглянкам, когда статую притянули к берегу. – Что за манера – тащить все на сувениры!

Подхватив девушку, плавно соскользнувшую по щеке идола, Робби поставил ее на землю; другая, чуть помедлив, тоже съехала вниз.

– И что с ними делать, босс? – обернулся Робби к Стару.

Тот не ответил. С расстояния в два шага ему улыбалось лицо умершей жены – схожее до последней черточки, до легчайших теней. Сквозь два шага лунного света на него взглянули те же глаза, над знакомым лбом дрогнул локон; улыбка задержалась, ожила – привычная, прежняя; раскрылись губы – в точности те же. Его объял страх, захотелось кричать. После тоскливой тишины прощального зала, после плавного лимузина с гробом, после каскада погребаящих цветов, после нездешней тьмы – вот она, рядом, сияющая и живая. Река вдруг хлынула шумным потоком, качнувшиеся прожектора дрогнули – и до Стара донесся голос. Чужой.

– Нам так неловко, – произнес голос, которого никогда не было у Минны. – Мы спрятались за грузовиком и прошли в ворота, нас не заметили.

Вокруг уже толпились электрики, грузчики, шоферы, и Робби налетел на них, как пасущий пес на стадо овец:

– ...приладить большие насосы на баки в четвертом павильоне... обвязать канатом эту башку... поставить на пару досок, отбуксировать... сперва откачать воду из джунглей, чтоб вас всех... трубу вон ту, побольше, кладите сюда... тут все равно пластик...

Стар глядел вслед девушкам, пока они, сопровождаемые полицейским, не скрылись за воротами, и лишь тогда осторожно переступил с ноги на ногу – проверить, исчезла ли слабость в коленях. Грохочущий тягач, прочавкав по грязи, остановился поблизости, и мимо Стара толпой пошли рабочие – каждый второй, взглядывая на него, улыбался:

– Привет, Монро... Здравствуйте, мистер Стар... Сыровата ночка, мистер Стар... Монро... Монро... Стар... Стар... Стар...

Он отвечал кому словом, кому взмахом руки – как император, приветствующий старую гвардию. У каждого мира свои герои, а Стар был героем уникальным. Многие из тех, что проходили сейчас мимо, застали и начало студии, и упадок при наступлении звукового кино, и три года депрессии – и все это время Стар берег их от невзгод. Теперь, когда бывшая сплоченность терпела удар за ударом и колоссы едва держались на глиняных ногах, Стар все еще оставался для них кумиром – последним из прежних вождей, – и приглушенные голоса звучали в ночи как эхо воинского приветствия.

Глава 3

В промежутке между приездом и землетрясением мне было о чем поразмыслить.

Например, об отце. При всей моей любви (диаграмма которой напоминала бы хаотичную кривую с множеством резких спадов) я видела, что одно упорство еще не делает его приличным человеком. Чуть ли не всеми успехами он был обязан практичности: именно она, да еще удача, помогли ему отхватить четверть доли буйно растущего зрелищного бизнеса – вместе с молодым Старом. Это решило всю его жизнь – дальше оставалось лишь рефлекторно держаться на плаву. И хотя перед финансовыми воротилами с Уолл-стрит отец не скупился на туманные речи о мистических тонкостях кинопроизводства, на деле он даже не пытался вникать в азы озвучивания или хотя бы монтажа. Представления об Америке у него остались те же, что у мальчика на побегушках в баре заштатного ирландского Баллихегана, а способность оценить сюжет недалеко ушла от уровня коммивояжерских баек. С другой стороны, он не страдал скрытым параличом, как ***, на студию приходил раньше полудня – и при его подозрительности, натренированной как мускул, застать отца врасплох было не так просто.

Стар был его удачей – уникалом, вехой в истории кино, как Эдисон, Люмьеры, Гриффит и Чаплин. Усилиями Стара кинематограф достиг влияния, немыслимого для театра, и до введения цензуры испытал пору расцвета – настоящий золотой век.

Словно в знак признания заслуг вокруг Стара не утихала слезка – согладатеи не столько охотились за внутренними секретами и фирменными разработками студии, сколько пытались вычислить будущие запросы публики и ближайшие тенденции, открытые лишь чутью Стара. Даже простое обезвреживание таких попыток отбирало у Стара много сил, работа становилась все более скрытной, уединенной и медленной. Рассказывать о ней не легче, чем о замыслах полководца: влияние личности – слишком неуловимая материя, любые попытки описаний неизбежно сведутся лишь к подсчету успехов и неудач. И все же я намерена показать вам Стара в работе – и потому решаюсь на дальнейший очерк, частью взятый из моего студенческого сочинения «День продюсера», частью придуманный. Почти все заурядные события вымышлены, кажущиеся странными – подлинны.

Наутро после землетрясения на внешнем балконе административного корпуса показалась мужская фигура. По словам очевидца, пришедший немного выждал, затем взобрался на железный поручень и головой вниз прыгнул на тротуар. Результат – перелом руки.

Стар узнал о происшествии от мисс Дулан, своей секретарши, явившейся по его вызову в девять утра; сам он ночевал в офисе и не слышал шума.

– Пит Заврас! – воскликнул Стар. – Оператор?

– Его отвезли к врачу. В газетах ничего не будет.

– Пропади он пропадом. Мне говорили, что он сам не свой, неизвестно почему. Благополучно отработал у нас два года назад, зачем было возвращаться? Как он вошел?

– По старому студийному пропуску, – ответила Катрин Дулан – жена ассистента режиссера, бесстрастная как ястреб. – Может, что-то связанное с землетрясением?

– Лучший оператор Голливуда, – покачал головой Стар. Даже когда ему доложили о сотнях погибших на Лонг-Бич, он не мог забыть о происшествии и велел Катрин Дулан выяснить обстоятельства.

Теплое утро принесло первые новости; Стар выслушивал их по диктографу во время бритья и позже за утренним кофе, попутно отдавая распоряжения. Робби просил передать: «Если понадобится мистеру Стару – к черту, я сплю». Заболел или сказался больным кто-то из актеров, губернатор Калифорнии намерен пожаловать с целой делегацией, продюсер избил жену из-за пленки и должен быть «понижен до сценариста» – все три дела (если актерский

контракт заключен не лично со Старом) относились к сфере ответственности отца. На канадском натурном объекте, куда уже выехала съемочная группа, выпал снег – Стар пересмотрел сюжет, прикинул возможные решения. По-прежнему ничего. Он вызвал Катрин Дулан.

– Мне нужен полицейский, который вчера вечером уводил двух женщин с территории студии. Кажется, его фамилия Мэлоун.

– Хорошо, мистер Стар. На проводе Джо Уайман – по поводу брюк.

– Привет, Джо, – сказал Стар. – На предварительном просмотре вчера двое разглядели, что Морган чуть не полфильма ходит в расстегнутых брюках... разумеется, преувеличение, но даже если кусок всего десятифутовый... нет, вчерашних зрителей не отыщем, прогоните раз за разом весь фильм и найдите нужные сцены. Соберите в зале народу побольше – кто-нибудь заметит.

*Tout passe. – L'art robuste
Seul a l'éternité!¹*

– Кроме того, приехал датский принц. Высокий красавец, – продолжила Катрин Дулан и зачем-то добавила: – Ну, для своего роста красавец.

– Спасибо, – откликнулся Стар. – Искренне благодарю, Катрин: теперь я здесь единственный красавец среди низкорослых. Пусть принца сопровождают к павильонам. И передайте ему: обед в час.

– Еще вас дожидается мистер Джордж Боксли – разгневанный, насколько может быть разгневан англичанин.

– Я уделю ему десять минут.

Секретарша повернулась было уходить, Стар ее остановил:

– Робби не появлялся?

– Нет.

– Спросите на коммутаторе, не звонил ли он, и если да – свяжитесь с ним и узнайте вот что. Узнайте, не помнит ли он имя вчерашней девушки. Любой из двух. Имя или приметку, по которой их можно найти.

– Что-нибудь еще?

– Нет. Попросите его вспомнить, пока не ушло из памяти. Кто они? Что за люди, из каких кругов? Пусть подумает. Может...

Мисс Дулан ждала и не глядя царапала его распоряжения в блокнот.

– То есть... может, они выглядели подозрительно? Вели себя неестественно? Хотя нет, не надо. Просто спросите об узнаваемых приметах.

Полицейский по фамилии Мэлоун ничего не запомнил. Две женщины? Да, он их вывел, будьте уверены. Одна возмущалась.

Которая? Какая-то из двух. Они дошли до машины – «шевроле», – он еще хотел записать номер. Возмущалась та, что... красивее? Какая-то одна.

«Какая-то». Полицейский ничего не заметил – даже здесь, на студии, Минну успели забыть, и трех лет не прошло. Значит, на том и покончим.

Стар встретил мистера Джорджа Боксли отеческой улыбкой, испытывавшей некоторое количество метаморфоз с тех пор, как он совсем юным взлетел на высокую должность. В ранние годы улыбка выражала почтение к старшим коллегам, затем – по мере того, как волю коллег сменяли решения Стара – она становилась все более умиротворяющей, пока не превратилась в доброжелательную, порой торопливую и усталую, но неизменно обращенную к любому,

¹ «Все прах. – Одно, ликуя, // Искусство не умрет» (фр.). Из стихотворения Теофиля Готье «Искусство» (пер. Н. Гумилева). – *Здесь и далее примеч. пер.*

кому не случилось разозлить Стара за последний час. Или к любому, кого Стар не собирался открыто оскорблять.

Мистер Боксли в ответ не улыбнулся. Вступив в кабинет так, будто его волоком тащили по меньшей мере двое, он застыл у кресла – невидимым стражам пришлось подхватить его под руки и усадить силой. Мрачно затихший, даже сигарету по приглашению Стара он закуривал нехотя, словно спичку держали сторонние сущности, чересчур презренные, чтобы им сопротивляться.

Стар был сама любезность.

– Что-нибудь случилось, мистер Боксли?

В оглушительной тишине романист окинул его взглядом.

– Я прочел ваше письмо, – продолжал Стар, отбрасывая приятный тон молодого директора школы. Теперь он обращался к гостю как к равному, хотя уважительная интонация звучала слегка двусмысленно.

– Мне не дают писать, как я привык! – взорвался Боксли. – Приличия соблюдаются, а все равно пахнет заговором. Эти два поденщика, каких вы ко мне приставили, сначала меня выслушивают, а потом портят текст на свой вкус! Они и слов-то знают не больше сотни!

– А отчего сами не пишете?

– Пишу. И вам посылал.

– Посылали незатейливый диалог, просто обмен репликами, – мягко произнес Стар. – Занятный, но не более.

Теперь двум призрачным стражам пришлось удерживать Боксли в кресле: тот дернулся вскочить, изо рта его вырвался лающий звук – если и хохот, то явно неприязненный.

– Да вы написанное-то хоть читаете? Диалог идет во время дуэли! А потом фехтовальщик падает в колодец, и обратно его поднимают в ведре!

Он еще раз лающе хохотнул и замолк.

– А в собственный роман вы вставили бы такой диалог, мистер Боксли?

– Вы что? Нет, разумеется.

– Сочли бы дешевкой?

– В кино другие законы, – замаялся Боксли.

– Вы фильмы смотрите?

– Почти никогда.

– Не нравятся дуэли и колодцы?

– Да. И еще вымученная мимика и фальшивые диалоги.

– Забудьте пока о диалогах, – предложил Стар. – Уверен, что у вас они выйдут изящнее, чем у поденщиков, потому-то мы вас и пригласили. Но давайте отвлечемся и от слабых диалогов, и от прыжков в колодец. Возьмем другой пример. У вас в кабинете есть печь? Такая, чтоб зажигать спичкой?

– Есть, – сухо обронил Боксли. – Я ею не пользуюсь.

– Представьте, что вы сидите в кабинете после целого дня дуэлей или писанины, слишком измученный, чтобы драться или сочинять. Просто сидите и смотрите в пустоту – обессиленно, как порой любой из нас. В кабинет входит хорошенькая стенографистка; вас, безучастного наблюдателя, она не видит, хотя вы сидите совсем рядом. Она снимает перчатки, открывает сумочку и вытряхивает ее над столом...

Стар поднялся и бросил на стол связку ключей.

– Выпадают две десятицентовые монетки и пятицентовик. И коробок спичек. Девушка оставляет на столе пятицентовик, остальные монеты сгребает обратно. Берет перчатки, подходит к печи, открывает заслонку и бросает перчатки внутрь. В коробке всего одна спичка; девушка становится на колени и собирается зажечь огонь. Вы замечаете, как сильно бьет в окно ветер, – и тут раздается телефонный звонок. Девушка берет трубку, говорит «алло», слушает –

и уверенно отвечает: «У меня никогда в жизни не было черных перчаток». Она кладет трубку на рычаг, вновь наклоняется и чиркает спичкой – в этот миг вы внезапно оборачиваетесь и видите в кабинете мужчину, который пристально следит за девушкой...

Стар замолчал, взял со стола ключи и сунул их в карман.

– А потом? – улыбаясь, спросил Боксли. – Что дальше?

– Не знаю, – ответил Стар. – Я просто придумывал фильм.

Боксли почувствовал, будто его провели.

– Это всего лишь мелодрама!

– Не обязательно, – возразил Стар. – И уж точно никаких драк, фальшивых диалогов и даже мимики. Весь произносимый текст – одна немудреная фраза, писателю вашего уровня не составит труда ее исправить. Однако сцена вас заинтересовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.